

М. Н. ШЕВЕЛЁВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРФЕКТЕ И АОРИСТЕ В РАННИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена проблеме семантики распределения перфекта и аориста в ранних восточнославянских текстах, интерес к которой, несмотря на то что она давно привлекала к себе внимание исследователей, в последнее время заметно оживился. Показано, что распределение аориста vs перфекта в древнейшей и более поздних частях «Повести временных лет» неодинаково: в старейшей части летописи, восходящей к XI в., оно в основном соответствует старославянскому, где аорист как нейтральный претерит свободно употребляется не только в нарративе, но и в прямой речи в контекстах «перфектности» (текущей релевантности результата), перфект же используется реже и в значительной части случаев сохраняет, как и в старославянских текстах, дополнительную характеризующую специфику, связанную с источником грамматикализации формы; в поздней части «Повести временных лет», составленной в начале XII в., как и в последующей летописной традиции XII–XIII вв., аорист употребляется как форма нарратива и практически уходит из прямой речи, а перфект используется как форма чужой речи с собственно перфектным значением, утрачивая свою исконную признаковую специфику. Выявленная динамика связана с эволюцией древнерусской глагольной системы в XI–XII вв. и с формированием традиции гибридного регистра книжного языка в XII в.

Обсуждается также выдвинутая в недавних работах М. В. Скачедубовой (Ермоловой) гипотеза о регулярном употреблении в восточнославянских памятниках формы на -л- в функции причастия.

Ключевые слова: древнерусский язык, летописи, «Повесть временных лет», аорист, семантика перфекта, форма на -л-.

И возва є Сѡльга к собѣ [и ре^ѣ имъ]
добри гостѣ придоша. и рѣша деревлане
придохомъ княгине. И ре^ѣ имъ Сѡльга
да глѣте что ради придоште сѣмо.
Повесть временных лет, 945 г., Лавр., л. 15

1. К проблеме семантики оппозиции перфекта и аориста в старейших славянских текстах

Хорошо известный диалог Ольги с древлянами из древнейшей части «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) не раз привлекал к себе внима-

ние исследователей. Обращалось внимание прежде всего на употребление здесь аориста в прямой речи — контексте перфектного значения, при том что перфект в этом рассказе о «мести Ольги» тоже встречается, ср. далее в непосредственном продолжении приведенного в эпиграфе фрагмента: *рѣша же древляне **посла** ны дерѣвьска землѣ. рѣкуще сице. мужа твоего **оубихомъ**. бѣше бо мужъ твои аки волкъ восхищаю и грабѣ. а наши князи добри суть. иже **распасти суть** дерѣвску землю* (ПВЛ, 945 г., Лавр., л. 15 — выделены формы аориста и перфекта в прямой речи).

П. С. Кузнецов, отметивший это употребление аориста в ПВЛ в диалоге Ольги с древлянами, писал: «Здесь, на первый взгляд, даже кажется, что скорее следовало бы употребить перфект, так как древляне находятся налицо, в результате того, что пришли. Но результативность выражается особой формой лишь тогда, когда говорящий специально фиксирует на ней внимание» [Кузнецов 1953: 233]. Позднее он развивает мысль о том, что перфект используется в летописи (т. е. в ПВЛ) как специально маркированная на выражении перфектности форма и между аористом и перфектом, употребленными в таком диалогическом контексте, — при том, что обе формы выражают результативность, — скорее всего, существовали тонкие семантические различия [Кузнецов 1959: 195, 205].

В последующих исследованиях эти примеры из рассказа об Ольге и древлянах обычно трактуются как свидетельство неправильного употребления аориста в контексте перфектности вследствие утраты формы в живом древнерусском языке и забвения ее грамматического значения — недифференцированного употребления аориста и перфекта [Успенский 2002: 216–217 и др.]¹.

В действительности вывод о грамматической неправильности таких употреблений аориста в контекстах перфектности (прямой речи) и связи их с утратой аориста в живом древнерусском языке сделан быть не может. Достаточно обратиться к старославянским данным. Старославянские тексты показывают такую же картину — до недавнего времени на это обращалось мало внимания, поскольку сомнений в грамматической правильности употребления аориста в старославянском ни у кого возникнуть не могло. Однако в своё время А. Вайан, а позднее П. С. Кузнецов отмечали возможность колебаний перфекта/аориста в подобных контекстах прямой речи в старославянских памятниках. А. Вайан писал о возможной факультативности выбора между аористом и перфектом в таких контекстах: ***еже оубо богъ съчета чловѣкъ да не разлжчаатъ*** (Мт 19: 6) — ср. ***еже оубо богъ съчетаалъ естъ*** (Мк 10: 9); ***дѣшти твоѣ оумрѣтъ*** (Мк 5: 35) —

¹ Формы аориста с перфектным значением в этом и подобных контекстах рассматриваются как «результат искусственной славянизации некнижного текста; славянизация при этом касается лишь форм, а не значений, и поэтому аористные формы оказываются в неаористном значении» [Успенский 2002: 216; ср. также Горшкова, Хабургаев 1981: 331–332].

ср. отроковица нѣстѣ оумрѣла нѣ спитѣ (Мк 5: 39) [Вайан 1952: 381–382]. П. С. Кузнецов предполагал возможность в таких случаях стилистических различий между аористом и перфектом в старославянском: для перфекта (помимо маркированности на выражении результативности) предполагается «выражение большей категоричности» [Кузнецов 1961: 83–84], что, впрочем, относится не столько к сфере стилистики, сколько грамматической (модальной) семантики².

Действительно, аорист в старославянских текстах свободно употребляется в контекстах перфектности в прямой речи — многие примеры обнаруживают замечательное сходство с нашими примерами из ПВЛ. Случаи такого рода, сходные с представленными выше примерами А. Вайана, уже приводились в работе [Шевелева 2009], ср. в евангельском рассказе о приходе волхвов к младенцу Иисусу: се вѣсви отъ вѣстокъ приѣхъ въ ерѣмъ глѣще. кѣде естѣ рожды сѧ црѣ нюдѣискѣ. видѣхомъ бо звѣздахъ его на вѣстоцѣ и придохомъ поклонитѣ сѧ емоу (Савв. кн., Мф. 2: 2); в рассказе об Иоанне Крестителе: въ ерѣмѣ оно оуслышавъ родъ тетрархъ слоухъ нѣвъ і рече отрокомъ своимъ. сѧ естѣ ноанъ крѣститель. тѣ вѣскрѣсе отъ мрѣтвыхъ. і сего ради силы дѣжѣтѣ сѧ о немъ (Мар., Мф 14: 2) [Там же: 152] и др. — число их можно существенно увеличить. Такое употребление аориста совершенно нормально для старославянского языка.

В недавних работах [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018] это также сказано вполне определенно: то, что традиционно понимается под перфектным значением, в старославянском свободно выражает аорист. Авторы присоединяются к мнению, что аорист в старославянском языке может употребляться в контекстах так называемой «текущей релевантности» результата, т. е. той семантики, которая традиционно рассматривается как перфектное значение. Обращается внимание на то, «насколько сложно формализовать правила выбора одной из двух граммем — значение, передаваемое перфектом, не исключено и у части употреблений аористной формы» [Плунгян, Урманчиева 2017: 23], ср. приводимые авторами примеры такого употребления аориста в старославянских текстах и колебаний аориста / перфекта в сходных контекстах, аналогичные приведенным нами выше, — показательное указание авторов на то, что в английской версии соответствующих евангельских фрагментов читается перфект, см. примеры (по Мар. ев.): ты же съблуде доброє вино доселѣ (Ин 2: 10); равѣви. видѣтѣ смоковница ѡже проклѣтѣ оустьше (Мк 11: 21), ср. колебания: ѡже мон ѡже мон. вѣскрѣжѣ ма еси оставилѣ (Мф 27: 46) — ѡже ѡже мон вѣскрѣжѣ ма остави (Мк 15: 34) и др. [Там же: 22; см. также Плунгян, Урманчиева 2018: 422]. Наблюдения над употреблением старославянских аориста и перфекта в таких результативных контекстах «текущей релевантности» приводит авторов к мысли о семантической маркированности перфекта по некоторому

² В сходном направлении искал основания распределения аориста и перфекта в старославянском Б. Гаспаров [2003].

иному признаку, связанному не с релевантностью результата, а с «характеризационной функцией» — характеристикой субъекта, объекта или ситуации в целом («топика данного фрагмента повествования») [Плунгян, Урманчиева 2017: 29, 42–43]. Обращается внимание и на тяготение перфекта к нелокализуемым во времени ситуациям, где в фокусе оказывается именно эта характеристика субъекта/объекта/ситуации, а не результат действия с конкретной темпоральной локализацией; «результат, — по мнению авторов, — прагматически не так важен», как эта характеризующая функция перфекта [Там же]. Тем самым, согласно данной концепции, оппозиция аориста/перфекта в старославянском признается привативной, но перфекту приписывается маркированность не по «текущей релевантности» результата, как это прежде предполагалось ([Кузнецов 1953: 233; Шевелёва 2009: 152] — см. выше), а по характеризационной функции. В работе [Плунгян, Урманчиева 2018] вывод о свойственности старославянскому перфекту характеризующего, а не результативного значения формулируется еще более решительно: авторы отказывают старославянскому перфекту в результативной семантике вообще, выдвигая предположение, что «в старославянском перфект мог *исходно* иметь экзистенциально-характеризационное, а не результативное значение» и представлять особую типологическую разновидность перфекта — нерезультативную [Там же: 437].

Предложенная гипотеза о характеризационной специфике ст.-сл. перфекта (подкрепленная в [Там же] выявлением характерных для его употребления типов контекста), как кажется, достаточно точно уловила природу семантической маркированности ст.-сл. перфекта, связанную с его тяготением к признаковой, характеризующей семантике. Однако при этом вряд ли можно согласиться с отрицательным ответом авторов на вынесенный в заглавие статьи 2017 г. вопрос («Перфект в старославянском: был ли он результативным?») и с предположением об исконном отсутствии у ст.-сл. перфекта результативного компонента значения, поскольку семантику релевантности результата, представленную практически во всех употреблении ст.-сл. перфекта, этот характеризующий компонент, думается, никак не отменяет³. Исконная нерезультативность, очевидно, предполагается

³ Тезис об отсутствии у ст.-сл. перфекта результативного компонента семантики базируется в названных работах на двух аргументах: 1) возможности в результативных контекстах употребления аориста; 2) возможности перфекта употребляться в контекстах аннулированного результата, на основании чего делается вывод об индифферентности перфекта к противопоставлению результативных/нерезультативных ситуаций [Плунгян, Урманчиева 2018: 424, 429]. Первый аргумент свидетельствует только о немаркированности по данному признаку аориста и способности его в определенных контекстных условиях выражать релевантность результата — о невозможности перфекта выражать такую релевантность он не говорит ничего.

Второй аргумент о возможности употребления перфекта в антирезультативных контекстах требует более тщательного рассмотрения. Вывод этот делается на основании двух контекстов из Синайской псалтыри, где формы перфекта обозначают

по отношению к славянскому перфекту вообще, несомненно представлявшему собой общее славянское новообразование (см. [Там же: 437], ср. [Плунгян, Урманчиева 2019: 246]). Гипотеза об изначально нерезультативной семантике ст.-сл. перфекта подкрепляется в [Плунгян, Урманчиева 2018] сопоставлением с данными современного македонского языка, где перфект не имеет результативных употреблений [Там же: 429–432, 436], однако предполагать вторичность развития результативной семантики во всем остальном славянском мире (в том числе в болгарском языке) в противоположность сохранению архаичного нерезультативного перфекта в македонском представляется не слишком реалистичным. Гораздо более естественным кажется предположение, что исконная семантика перфекта включала наряду с результативным и характеризующий семантический компонент, осложняющий результативную семантику и во многих случаях употребления формы еще в ст.-сл. текстах оказывающийся в фокусе, — последующее развитие этой «сложной» в семантическом отношении формы могло идти разными путями в разных славянских диалектных зонах. Гипотеза о том, что исконную специфику славянского перфекта определяет именно этот дополнительный семантический компонент, представляется очень вероятной.

ситуации с аннулированным последующим ходом событий результатом, в то время как действия с сохраненным на текущий момент результатом выражены следующими за перфектом формами аориста (ср. один из контекстов: *Спасль бо ны еси отъ сътѣжающихъ намъ і ненавищаа насъ потрѣбилъ еси (...)* *Нынѣ же отринъ посрами ны* (Пс. 43, 7–10)) [Там же: 423]. Замечу, что при отсутствии последующих аористов, указывающих на дальнейшее развитие событий, обозначенная перфектом ситуация несомненно прочитывалась бы как результативная, как она прочитывается во многих других стихах Псалтыри с перфектом, — аннулированность результата здесь задана именно этим указанием на последующий ход событий, превращающим значение сохраненного результата в его аннулированность. Такой механизм превращения первичного результативного значения в антирезультативное хорошо известен для плюсквамперфекта: антирезультативность изначально развивается как контекстная импликатура, связанная с противопоставлением прошлого положения дел последующему развитию событий, отменяющему результативность в прошлом (см. подробнее [Шевелева 2007: 237–246; 2015: 182–190]). Генетическое родство славянских перфекта и плюсквамперфекта несомненно, хотя впоследствии пути их, что вполне закономерно (см. [Плунгян 2016: 21]), расходятся. Плюсквамперфект развивается в сторону неактуального прошедшего, для перфекта эпохи ранних славянских памятников употребление в контекстах аннулированного последующим ходом событий результата было нечастым, но возможным — как в приведенных примерах из Псалтыри. Встречаются такие употребления перфекта в «плюсквамперфектных» контекстах, а также колебания перфекта/плюсквамперфекта по спискам одного текста и в вост.-слав. памятниках XII в. и более поздних, ср. в примерах ПВЛ из рассказа о старце Исакии — с ярко выраженным антирезультативным значением: *Се оуже предстѣ ма іеси быль дѣаволе. сѣдѣа на юдино^и мѣстѣ. а оуже не има^и са затворити в пещерѣ но има^и та*

Корни такой семантической специфики древнего славянского перфекта можно искать в источниках его грамматикализации: как известно, перфектные кластеры в разных языках могут быть различны, и семантика перфекта существенно зависит от его источника и пути грамматикализации, а также от структурного типа перфекта, т. е. от его генезиса и формальных параметров [Плунгян 2016: 14–15]. Тяготение ст.-сл. перфекта к признаковой, т. е. именной по своей природе, семантике, которая в значительной части употреблений еще в старославянском языке выходит на первый план, связано, по всей видимости, именно с исконно именным характером главного входящего в состав перфекта компонента — причастия на *-л-*.

Вопрос о времени грамматикализации славянского перфекта неясен, но явно её надо относить не к ранней, а позднепраславянской эпохе. В. Н. Топоров полагал, что этот процесс превращения перфекта в грамматическую временную форму был совсем поздним — «не ранее, чем в период, предшествующий началу письменных памятников» [Топоров 1961: 47], и даже «в применении к старославянским памятникам (по крайней мере, македонского извода) едва ли целесообразно говорить об особом, уже полностью сформировавшемся (...) времени — перфекте» [Там же: 40]. По мнению В. Н. Топорова, ст.-сл. перфект представлял собой еще перифрастическое

побѣдѣти хода в манастирь (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65 об.) — во всех списках Ипат. группы, представляющих 2-ю редакцию ПВЛ, как и в Радзивилловском и Академическом списках Лавр. группы, читается перфект *прельстиль еси* (Ипат., л. 72) в том же значении аннулированного результата; ср. в другом примере колебания по спискам книжного плюсквамперфекта/перфекта также в контексте «отмененного» последующими событиями результата: *бѣсте мене вы [первое] побѣдили* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 66 об.) — *и вы первѣ мене побѣдили есте* (Ипат., л. 72 об.) (см. подробнее [Шевелева 2015: 189–190]). Специальное подчеркивание неактуальности результата с помощью формы плюсквамперфекта всегда было факультативно, в тех же контекстных условиях противопоставления прошлого положения дел настоящему не исключено было и употребление перфекта [Там же].

Обращу при этом внимание на то, что возможность употребления в подобных контекстах аннулированного результата никак не может быть свидетельством «индифферентности» перфекта к семантике результативности — напротив, семантика отношения последующего положения дел к бывшему (отмененному) результату здесь оказывается в фокусе.

Замечу также, что использование в приведенных контекстах для выражения сохраняющих актуальный результат действий аориста связано и с потребностью разграничить ряды этих разных по отношению к текущему положению дел ситуаций, ср. то же в контекстах с плюсквамперфектом в старославянском: *мрътъвѣ бѣ и оживе. изгыбѣ бѣ і обрѣтеса* (Лк. 15: 24). Специфика же перфекта в таких контекстах с «антирезультативным» перфектом и результативным аористом состоит не в антирезультативности перфекта, а, по-видимому, в той его признаковой, характеризующей семантике, на которую обратили внимание авторы в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018], — при этом она не отменяет результативного семантического компонента перфекта, а осложняет его и, возможно, в ряде употреблений выходит на первый план.

мотивированное образование, значение составных частей которого было еще вполне автономно, т. е. процесс его грамматикализации как особой формы прошедшего времени не был завершен [Там же: 40–41, 47–48]. Сложные прошедшие времена предлагается — вопреки традиции — считать грамматически оформившимися после (или в самом конце) праславянской эпохи [Там же] — впрочем, отмечается невозможность точной датировки этого предшествующего грамматикализации периода в том числе и «потому, что мы остаемся в неведении об употреблении *l*-причастий в определительной функции» [Там же: 48].

В недавних работах М. В. Скачедубовой (Ермоловой), выполненных на материале древнерусских летописей, предпринимается попытка выявить случаи употребления *-л-* форм в функции причастия, т. е. увидеть в значительной части контекстов употребления перфекта без связки, как казалось, в позиции финитного глагола не инновацию, свидетельствующую о превращении перфекта в универсальный претерит, а архаизм, указывающий на исконно именной характер *-л-*причастия в составе перфекта [Скачедубова 2017; 2018; 2019; Ермолова 2020]. Подробнее к этим работам мы обратимся ниже, поскольку они связаны уже с древнерусским материалом. Сразу же надо сказать, что трактовка столь значительного числа примеров *-л-*формы из летописей, причем не только ранних, как причастия вызывает сомнения: вряд ли архаичная причастность формы на *-л-*, восходящая ко времени до грамматикализации перфекта, могла сохраняться как массовое явление вплоть до конца XVI в. (автором приводится материал не только летописей раннедревнерусских, но и псковских летописей XVI в.), да и для ранних летописей массовость примеров с *-л-*формой в роли причастия сомнительна. В книжных текстах с раннего времени хорошо известны примеры употребления перфекта (уже бывшего) в функции универсального прошедшего (см. примеры из берестяных грамот №№ 605, 724, 105 и др. [Зализняк 2004: 171]), и на этом фоне предполагать массовое, т. е. вполне регулярное, отражение в текстах гибридного регистра причастного употребления *-л-*формы как системного явления живого языка еще в старорусскую эпоху представляется анахронизмом.

Значительная часть приводимых автором примеров употребления *-л-*формы в характерных для причастия контекстах в действительности не исключает и финитно-глагольной интерпретации (см. подробнее об этом ниже). И даже взаимозаменяемость по спискам в ряде контекстов *-л-*формы и претеритного причастия на *-въ (-ѣ) / -вши (-ѣши)* не может быть вполне достаточным доказательством их грамматической синонимии (как, например, колебания по спискам одного текста форм аориста/имперфекта в том же контексте нельзя считать надежным доказательством утраты грамматической специфики старых простых претеритов — в большинстве случаев возможны разные грамматические интерпретации, ср. выше о подобных колебаниях форм аориста/перфекта в сходных контекстах в старославянском). К этим вопросам мы еще вернемся в разделе 3.

Однако в некоторых из приводимых случаев трактовка *-л*-формы как причастия действительно кажется вероятной (см. о таких примерах ниже, раздел 3). Такие случаи могут быть следом исконно именного характера *-л*-формы в составе перфекта и плюсквамперфекта, проявлявшегося и в ст.-сл. памятниках (см. выше). Еще ярче об этом свидетельствуют встречающиеся в ст.-сл. и книжных вост.-слав. текстах раннего периода случаи синтаксически однородного употребления перфекта (плюсквамперфекта) и именных сказуемых с действительными или страдательными причастиями или прилагательными (обратим внимание, что отнюдь не только с причастиями на *-въ/-вши-*, которые отмечает М. В. Скачедубова), ср.: ...ѣко снѣ моі съ. мрътвъ бѣ и оживе. изгыблъ бѣ і оврѣте сѧ (Лк 15: 24); аще и тѣломъ ошъла кста нѣ бл҃годатию жива кста (СкБГ, Усп. сб., 15в); како пробо-денъ кси... како не отъ врага. нѣ отъ своего брата пагоубоу въсприналъ кси (Там же, 13б–13в) и под. (см. [Шевелева 2002: 56; 2007: 216–217]).

Все это, по-видимому, является реликтом первоначального грамматического статуса *-л*-формы в составе перфекта (и плюсквамперфекта) — исконно формы именной, что отражается и на специфике грамматической семантики перфекта в старославянских памятниках, определяемой в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018] как «характеризационная функция» (см. выше).

Обратимся к ранним восточнославянским текстам, и прежде всего к ПВЛ, с обсуждения известных примеров синонимичного употребления аориста и перфекта в которой мы начали выше, — к старейшему памятнику древнерусского летописания, начинающему русскую летописную традицию и впоследствии традицию гибридного регистра книжного языка⁴.

⁴ Употреблению перфекта со связкой в ПВЛ посвящена недавно опубликованная статья [Плунгян, Урманчиева 2019], где авторы выдвигают предположение о том, что использование перфекта (а не аориста) в диалогических контекстах ПВЛ связано с фокусным выделением в противоположность нейтральному в коммуникативном отношении аористу — идея, как кажется, вполне согласующаяся с идеей о «характеризационной» специфике перфекта в старославянском (см. выше). При этом здесь выдвигается гипотеза о связи различного положения связки перфекта относительно смыслового глагола с различными типами фокуса: перфектам с препозицией связки приписывается маркирование непредикатного фокуса, перфектам же с постпозицией связки — маркирование узкого предикатного фокуса либо употребление в контексте контрастивного сопоставления двух ситуаций [Там же]. С идеей о прагматической нагрузке препозиции vs постпозиции связки перфекта, однако, вряд ли можно согласиться. Наблюдаемый авторами эффект непредикатного фокусного выделения в случаях препозиции связки объясняется вынесением прагматически значимого непредикатного элемента (подлежащего, дополнения и пр.) в позицию темы, т. е. в начало фразы — связка же, подчиняясь закону Вакернагеля, ставится в конец первой тактовой группы и оказывается в препозиции к форме на *-л-*, т. е. действует автоматика, описанная в [Зализняк 2008]. Непредикатное фокусное выделение, таким образом, связано с перемещением в препозицию этого непредикатного выделяемого элемента, за которым тянется и связка, находящийся же не в

2. Перфект и аорист в разных частях «Повести временных лет»

Оказывается, что распределение аориста и перфекта в разных частях ПВЛ неодинаково: различия обнаруживаются между наиболее архаичными частями летописи и более поздними — вставками составителя ПВЛ начала XII в. в ранние статьи и текстом летописи после 1016 г. Особенно ярко это различие в распределении аориста/перфекта проявляется в рассказах о мести Ольги древлянам (945–946 гг.), первые три эпизода которых, по мнению А. А. Шахматова, подтвержденному лингво-текстологическим исследованием А. А. Гиппиуса, принадлежат древнейшему пласту ПВЛ, а рассказ о четвертой мести Ольги является более поздней вставкой, сделанной при составлении ПВЛ в начале XII в. [Шахматов 1908: 108–110; Гиппиус 2001: 155–159]. Здесь различие в употреблении аориста / перфекта обнаруживается в находящихся рядом фрагментах текста, подтверждая их текстологическую разнородность. Однако то же различие просматривается и в других частях ПВЛ: наиболее архаичные части и фрагменты текста в данном отношении оказываются сходны с рассказом о первой, второй и третьей мести Ольги древлянам (945 г.), а поздние части ПВЛ — с рассказом о четвертой мести Ольги (946 г.).

Данная работа не ставит задачи детального лингво-текстологического исследования всего текста ПВЛ по названному параметру — цель здесь скорее грамматическая: выяснить, в чем состоят и чем могут объясняться различия в распределении аориста vs перфекта в ранних и поздних частях ПВЛ, как тот или другой тип распределения может быть соотнесен с книжной южнославянской традицией, с одной стороны, и с состоянием системы прошедших времен живого древнерусского языка своего времени — с другой.

При этом определенный значимый для текстологического исследования ПВЛ результат, подтверждающий показательность глагольных параметров для стратификации начальной летописи XI–XII вв., — возможно, дополняющий выявленные А. А. Гиппиусом признаки, связанные с исключительным употреблением архаичных форм аориста типа *рѣша* как маркера древнейшего ядра ПВЛ и некоторых маркерах вторичных вставок при оформлении прямой речи [Гиппиус 2001; 2012: 54], — здесь, как кажется, тоже может быть.

2.1. Итак, приведенные выше (см. раздел 1) контексты из диалога Ольги с древлянами принадлежат старейшему «ядру» ПВЛ (см. [Гиппиус 2001:

фокусе смысловой глагол оказывается отодвинут к концу фразы. Напомню также, что связки перфекта 1–2-го лица vs 3-го лица имеют принципиально разный грамматический статус, т. к., судя по данным не книжных текстов, связки 3-го лица в живом языке отсутствуют вообще — это специфически книжные формы, к реальной древнерусской грамматике не относящиеся, и потому в одном ряду со связками 1–2-го лица их обсуждать не стоит (см. [Зализняк 2004: 178–181; 2008: 236–238 и др.]).

В нашей работе вопрос о позиции связки перфекта не рассматривается.

155–159] об употреблении в рассказе о первых трех эпизодах мести Ольги древних форм аориста типа *рѣша* при полном отсутствии в первоначальном тексте нового аориста типа *рекоша*). Аорист и перфект здесь распределяются так, как в старославянских текстах.

Аорист свободно употребляется в этом рассказе не только в нарративе, но и в прямой речи — в контексте «текущей релевантности» результата, т. е. перфектности. В приведенном выше самом длинном диалоге Ольги с древлянами таких форм аориста с перфектным значением в прямой речи пять (*добри гостѣ придоша — придохомъ княгине — ...что ради придосте сѣмо — посла ны дервьска земла рькуще сице мужа твоего оубихомъ...* Лавр., л. 15, см. контекст полностью выше); еще один пример читается в предшествующей этому диалогу чужой речи, введенной союзом *яко*, — режим интерпретации текста в таких конструкциях, как правило, совпадает с речевым (см. [Шевелева 2009: 158–164; Власова 2014; 2014а: 13–15]): *и повѣдаша Слъзѣ яко деревляне придоша* (ПВЛ, 945 г., Лавр., л. 15).

Обратим внимание на несомненное сходство этих контекстов с аористами *придоша — придохомъ* и др. со ст.-сл. евангельскими примерами с таким же аористом в прямой речи, ср., например, в приведенном выше контексте из рассказа о приходе волхвов: *видѣхомъ во звѣздахъ его на вѣстоцѣхъ и придохомъ поклонити сѧ емоу* (Савв. кн., Мф. 2: 2) — ср. ту же евангельскую цитату в составе Речи Философа в ПВЛ (986 г., Лавр., л. 34 об. = Ипат., л. 40).

Помимо этих шести примеров, в старейшем рассказе о первых трех эпизодах мести Ольги аорист в таком употреблении в прямой речи встречается еще трижды. В предшествующем приведенному диалогу контексте: *Рѣша же деревляне. Се княза оубихомъ рускаго. поимемъ жену его Вольгу за князь свои Малъ. и Сѣтосла^{6а} и створимъ ему якоже хочемъ* (945 г., Лавр., л. 15 = Ипат., л. 21 об.). В рассказе о третьей мести — тризне, во время которой по приказу Ольги убивают дружину древлян: *и посла къ деревлянѣмъ рькущи сице. се оуже иду к вамъ да пристроите меды многи // въ градѣ идеже оубисте мужа моего* (945 г., Лавр., л. 15 об.–16 = Ипат., л. 22 об.); *И рѣша деревляне к Ользѣ. кдѣ суть дружина наша ихъже по-слахомъ по тѧ* (945 г., Лавр., л. 16 = Ипат., л. 22 об.).

Такое употребление аориста в прямой речи, как мы видели выше, совершенно нормально и для ст.-сл. текстов.

Перфект в старейшем рассказе о мести Ольги встречается в прямой речи реже аориста (а вне прямой речи не зафиксирован вообще) — всего три случая против девяти случаев употребления аориста. При этом два из этих трех примеров достаточно определенно позволяют предполагать, помимо релевантности результата, ту самую характеризующую семантику, о которой применительно к ст.-сл. текстам говорилось в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018]. Показательно, что перфект здесь оказывается в парах с именными сказуемыми с прилагательными, что замечательно подтверждает признаковую, именную в своей основе природу этого перфектного «харак-

теризующего» наращения, ср. в начале рассказа: *отроци Свѣнльжи изодѣли са суть оружьемъ и порты а мы нази* (945 г., Лавр., л. 14 об. = Ипат., л. 21 об.); в конце приведенного выше диалога Ольги с древлянами с шестью формами аориста в прямой речи — завершающей формой здесь оказывается перфект, выступающий в одном ряду с причастиями презенса и прилагательным: *Мужа твоего оубихомъ. баше бо мужъ твои аки волкъ. восхищаа и грабаа. а наши князи добри суть. иже распасли суть деревьску землю* (945 г., Лавр., л. 15 = Ипат., л. 22).

«Характеризационная» семантика перфекта в этих двух контекстах проявляется очень ярко: в фокусе здесь, конечно, не столько сохранение результата на момент речи говорящего персонажа, сколько характеристика субъекта через указание его свойств («твой муж такой (расхищающий и грабящий), а наши князья такие (хорошие, благоустроившие землю древлян)», «воины Свенельда разодевшиеся, а мы нагие»).

Для третьего примера перфекта в древнейшем рассказе о мести Ольги характеризующая семантика не очевидна, хотя такая коннотация и здесь не исключена, — замечу, как и во многих примерах из ст.-сл. памятников, где постулируемая в [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018] характеризационная функция перфекта тоже далеко не всегда бесспорна; вполне вероятно, что исконная признаковая специфика перфекта могла выветриваться уже в старославянском. Ср. этот пример ПВЛ из начала рассказа о мести Ольги: *Послаша к нему ѣлице. почто идеши опять поималъ еси всю дань* (945 г., Лавр., л. 14 об. = Ипат., л. 21 об.) — заметим, перфект здесь 2-го лица, что всегда могло быть благоприятным обстоятельством в пользу выбора перфекта даже без ярко выраженного фокуса на характеризационной семантике.

Главным для нас сейчас является то, что в древнейшем рассказе об убийстве Игоря древлянами и мщении Ольги употребление аориста и перфекта, не раз привлекавшее к себе внимание исследователей, совершенно соответствует представленному в ст.-сл. памятниках: оно не инновационно, как нередко предполагалось, а, напротив, архаично. Перфект здесь преимущественно сохраняет свою исконную признаковую (характеризующую) семантику, аорист выступает как нейтральный претерит, свободно употребляющийся в прямой речи в результативном контексте, и преобладает в таком употреблении над перфектом.

Сходная картина наблюдается и в других архаичных частях ПВЛ.

Во фрагментах летописи, определяемых исследователями как принадлежащих древнейшему ядру ПВЛ (см. [Гиппиус 2001; 2012: 54]), да и в части летописи до 1017 г. в целом, исключая позднейшие вставки, аорист в прямой речи решительно преобладает над перфектом — в отличие от поздней части летописи, создание которой связано с составлением ПВЛ. Ср. в рассказе о хазарской дани: *И рѣша имъ. Се натѣзохомъ (= Ипат., л. 7 об.) дань ноуу. они же рѣша имъ ѡкуду. они же рѣша. въ лѣтъ на горохъ надъ рѣкою Днѣпрскою. они же рѣша что суть въдали (= Ипат., л. 7 об.). они же показаша мечъ. [и] рѣша старци козарьстии. Не добра дань княже мы*

са **доискахомъ** (Ипат. — *доискахомса*, л. 7 об.) *оружьемъ* *одиною* *стороною* [*остромъ*]. *рекоша* (вместо *рекше* в других списках, см. [Гиппиус 2001: 154–155]) *саблами* *а* *сихъ* *оружье* *обоиду* *остро* *рекше* *мечь*. *си* *имуть* *имати* *дань* *на* *насъ* *и* *на* *инѣхъ* *странахъ* (Лавр., Введ., л. 6). Аорист в этом диалоге употреблен дважды, в обоих случаях в значении релевантного результата. Перфект использован один раз (*что* *суть* *въдали*) в сходном контексте: текущая релевантность здесь несомненна, дополнительный характеризующий компонент не вполне очевиден, хоть и не исключен ('что они дали' с фокусом на характеристике тех, кто дал такую дань, тем более с учетом широкого контекста — отданное в качестве дани обоюдоострое оружие оценивается как характеристика давших его).

В рассказе об осаде Киева печенегами: *Сѣнже* *изыде* *изъ* *града* *с* *узодоу* *и* *ристаше* *сквозъ* *Печенѣги* *ѣла*. *Не видѣ ли* *кона* *никтоже*. *бѣ* *бо* *оумѣа* *Печенѣжъски* *и* *мнѣхуть* *и* *своего* *⟨...⟩* *видѣвъ* *же* *се* *кнѣзь* *Печенѣжъскии* *възратисѣ* *единъ* *къ* *воеводѣ* *Прѣтичю* *и* *ре^ѣ*. *кто* *се* **приде**. *и* *ре^ѣ* *ему* *лодька* *оноя* *страны*. *и* *ре^ѣ* *кнѣзь* *Печенѣжъскыи*. *а* *ты* *кнѣзь* *ли* *еси*. *онъ* *же* *ре^ѣ* *азъ* **есмь** *мужь* *его*. *и* **пришелъ** **есмь** *въ* *сторожѣ^х*. [*и*] *по* *мнѣ* *идеть* *полкъ* *со* *кнѣземъ* *бе-щисла* *множество* (968 г., Лавр., л. 19 об. — 20 = Ипат., л. 26–26 об.) — аорист здесь имеет нейтральное «перфектное» значение (обратим внимание на встречавшиеся в таком употреблении в прямой речи и в старославянском глаголы *видѣти*, *прити*), а перфект того же глагола оказывается в ряду именных конструкций (*азъ* *есмь* *мужь*... *и* *пришелъ* *есмь*).

Ср. аористы в прямой речи с несомненным значением релевантности результата в рассказах:

— о вокняжении Владимира в Киеве: *И посла* *Блудъ* *къ* *Володимеру* *сице* *ѣла*. *яко* **сбысться** *мысль* *твоя*. *яко* *приведу* *къ* *тобѣ* *Юрополка* (980 г., Лавр., л. 24 об., Ипат. — *сбыса*, л. 30 об.);

— о варяге-христианине: [*и*] *рѣша* *пришедше* *послани* *къ* *нему*. *яко* **паде** *жребии* *на* *сѣнь* *твою* **изволиша** *бо* *и* *бѣи* *собѣ*. *да* *своримъ* *потребу* *бмѣ* (983 г., Лавр., л. 26 об. = Ипат., л. 32 об.);

— об «испытании вер»: *⟨ѣрь⟩* ...*наоутриѣ* *посла* *къ* *патреарху* *ѣла* *сице* **придоша** *Русь* *пытающе* *вѣры* *нашея* *да* *пристрои* *ѣрквъ* *и* *крило^ѣ* *и* *самъ* *причини* *са* *въ* *стѣлскиѣ* *ризы* *⟨...⟩* ...*они* *же* *придоша* *въ* *землю* *свою* *и* *созва* *кнѣзь* *болары* *своя* *и* *старци*. *ре^ѣ* *Володимеръ*. *Се* **придоша** *послани* *наши* *мужи* *да* *слышимъ* *ѣ* *нихъ* *бывшее* (987 г., Лавр., л. 37 = Ипат., л. 41) и др.

Примеров аористов в прямой речи в ранней части ПВЛ очень много, перфект же употребляется реже, и во многих контекстах его употребления, кажется, можно предполагать характеризующую коннотацию — как и в ст.-сл. текстах, след исконно именного характера формы.

Впрочем, далеко не во всех случаях употребления перфекта можно видеть такую признаковую коннотацию — более-менее уверенно о ней можно говорить там, где перфект выступает в ряду именных форм, в большинстве прочих примеров предположение об этом перфектном наращении остается гипотетическим и в значительной степени базируется на теоретических со-

ображениях об отсутствии полной синонимии аориста и перфекта в таких контекстах «перфектности», как, надо сказать, применительно и к старославянскому материалу. Ср. рассмотренные выше примеры с *поималъ еси* (всю дань), что суть въдали, ср. также в рассказе о вокняжении Владимира в Киеве: [и] *ждаша за мѣсяць и не дасть имъ. и рѣша Варази сольстиль еси намъ. да покажи ны путь въ Греки. онъ же ре^а имъ идѣте* (980 г., Лавр., л. 25 = Ипат., л. 31); ср. в том же рассказе в одном контексте с аористом, кажется, в синонимичном употреблении, причем в библейской цитате: *Володимеръ же посла къ Блуду воеводѣ Юрополчю съ лестью глѣ. попрѣкаи ми аще оубыю брата своего имѣти тѣ хочю во бѣца мѣсто. и многу честь возъмешъ ѿ мене. не **язъ** бо **почаль** братью бити. но онъ. азъ же того оубоавѣса **придохъ** на нь* (980 г., Лавр., л. 24 = Ипат., л. 30–30 об.) — ср. ту же библейскую цитату с аористом и колебаниями аориста/перфекта по спискам ПВЛ под 1015 г. в словах Ярослава рассказа об убийстве Бориса и Глеба: *не ꙗ **почахъ** (РА — **почаль**) избивати бра^тю. но онъ. да будетъ ѿмѣстникъ бѣ крове бра^тя моего* (1015 г., Лавр., л. 48). Впрочем, в этом примере с библейской цитатой перфект выступает в конструкции с противопоставлением подлежащих и ярко выраженной эмфазой на местоимении (*не язь... но онъ*) — обязательной позиции для употребления личного местоимения [Зализняк 2004: 171] — не исключено, что это подчеркивание имени могло способствовать выбору перфекта в силу его характеризующей коннотации. Хотя наличие чтений той же цитаты с аористом показывает, что маркирование соответствующего значения перфектом здесь совсем не обязательно.

Как мы видим, вопрос о наличии у перфекта специфической характеризующей семантики для немалого числа случаев его употребления остается гипотезой, которая вряд ли может быть надежно доказана. Однако в части примеров доказательства в ее пользу есть. Скорее всего, перед нами отражение ситуации, когда в благоприятных контекстных условиях исконная семантическая специфика перфекта проявляется вполне определенно, но в значительной части употреблений уже стирается (в большей или меньшей степени) — как и в старославянском. Совершенно очевидно при этом, что в ранней части ПВЛ перфект остается маркированной формой в оппозиции с аористом: аорист в результативных контекстах прямой речи здесь используется гораздо чаще — как нейтральная форма для контекстов текущей релевантности результата⁵.

⁵ Не берусь приводить точные количественные данные о соотношении аориста и перфекта в ранней части ПВЛ, поскольку вопрос о ее границах текстологически слишком сложен. Однако даже в рамках тех эпизодов, которые большинством исследователей относятся к старейшему слою ПВЛ, да и в части текста до 1017 г. в целом (исключая доказанные позднейшие вставки — см., например, [Гиппиус 2012: 54 и далее]), аорист в прямой речи преобладает над перфектом в соотношении, близком к установленному для древней части рассказа о мести Ольги.

2.2. В поздней части ПВЛ после 1016 г. и вставках составителя ПВЛ в ранний текст летописи аорист в прямой речи становится редок, а употребительность перфекта, напротив, значительно возрастает. Изменение соотношения частотности аориста и перфекта в прямой речи сравнительно с ранней частью ПВЛ очень выразительно: для составителя ПВЛ перфект оказывается основной формой прошедшего времени в контекстах чужой речи, он резко преобладает над аористом, который остается преимущественно в библейских цитатах и устойчивых книжных формулах. Достаточно сказать, что в части ПВЛ после 1016 г. аорист в прямой речи вне прямых библейских цитат зафиксирован только в 15 случаях, а перфект — в 95 случаях (!) — отличие от ранних частей ПВЛ, где в тех же типах контекстов аорист был приблизительно в три раза частотнее перфекта, громадное.

То же наблюдается в поздних вставках составителя ПВЛ в ранние статьи летописи. Особенно показательна в этом отношении четвертая «мечь» Ольги, непосредственно продолжающая первоначальный рассказ о первых трех эпизодах мщения Ольги древлянам: распределение аориста и перфекта здесь оказывается принципиально отличным от представленного в архаичном первоначальном рассказе.

В четвертой «мечи» Ольги перфект в чужой речи (прямой и косвенной, совпадающей по употреблению временных форм с прямой [Шевелева 2009]) употребляется в шести случаях, а аорист в «перфектном» значении — только в одном, причем в паре с синтаксически однородным ему перфектом.

Вот эти примеры перфекта в рассказе о четвертой «мечи» Ольги:

*И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ. князь оуже **почаль** потагнѣте дружина по князѣ* (946 г., Лавр., л. 16 = Ипат., л. 23);

*Древляне же затвориша сѧ въ градѣ и бораху сѧ крѣпко изъ града вѣдѣху бо како **сами оубили** княза и на что сѧ предати* (946 г., Лавр., л. 16 = Ипат., л. 23);

*Ре^ѣ же имъ Сѡльга. како **азъ мьстила** оуже ѡбиду мужа своего* (946 г., Лавр., л. 16 об. = Ипат., л. 23);

*ѡна же рече имъ <...> сего прошу оу васъ мало. вы бо **есте изъ/немогли** в [о]садѣ да сего оу васъ прошу мала* (946 г., Лавр., л. 16 об. = Ипат. — **из-немогли бо сѧ есте** въ ѡсадѣ, л. 23);

*Вольга же ре^ѣ имъ се оуже **єсть** (РА — *есте*) **покорили сѧ** мнѣ и моему дѣтати* (946 г., Лавр., л. 16 об.; Ипат. — *се оуже сѧ **есте покорилѣ** мнѣ и моему дѣтати*, л. 23 об.).

В одном примере перфект и аорист употреблены как однородные сказуемые в том же значении актуальности результата на момент речи: *Посла ко граду ѿлиц. что хочете досѣдѣти а вси гради ваши **предаша сѧ** мнѣ и **ѡли сѧ** по дань и дѣлають нивы своя и землѣ своя* (946 г., Лавр., л. 16 об.; Ипат. — *а вси ваши города **передашасѧ** мнѣ и **ѡли сѧ** по дань*, л. 23) — это и есть единственный в рассказе пример аориста в контексте перфектности. Правда, в прямой речи аорист встречается еще дважды (в одном контексте), но этот контекст скорее представляет собой нарративную цепочку, на

что указывают и временные локализаторы, нетипичные для контекстов перфектной семантики, ср.: *ре^ѣ же имъ Сѡльга. како азъ мьстила оуже обиду мужа своего. когда придоша Киеву второе и третье когда тво-рихъ* (Р. сотворихомъ, А. сотворихъ) *трызну мужеву своему* (946 г., Лавр., л. 16 об.; Ипат. — *еже когда твораху^т трызну мужу моему*, л. 23) — аористы во временных придаточных здесь указывают на точную локализацию в прошлом соответствующих действий, а не на текущую релевантность их результата (наличие разночтения с имперфектом в версии Ипат. летописи тем более это подтверждает) — значение текущей релевантности здесь выражает перфект *мьстила* ('я уже отомстила, когда [древляне] пришли в Киев, во второй и третий раз — когда совершила/совершали тризну по мужу моему').

Аорист в рассказе о четвертой мести Ольги используется, за единственным исключением, как форма нарратива — прошедшее, не связанное с сохранением результата на момент речи говорящего.

Перфект в этом рассказе, как мы видели, абсолютно преобладает в прямой речи над аористом, выражая актуальность результата; вне чужой речи перфект здесь не зафиксирован. Обратим внимание, что из шести случаев перфекта в четырех он не имеет связки: во всех примерах 3-го лица (три примера) и в одном примере 1-го лица при наличии личного местоимения — в ранней части Мести Ольги перфект во всех примерах, в том числе в 3-м лице, был со связкой (*изодѣлиса суть, распасли суть, поималъ еси* — см. выше). Из представленных здесь шести примеров перфекта (см. выше) говорить о специфической характеризационной семантике некоторые основания есть, как кажется, только в двух случаях (*вы бо есте изънемогли, се оуже есть* (вм. *есте*) *покорилиса мнѣ*, л. 16 об.), что связано и с лексическим значением соответствующих глаголов. Впрочем, в контексте сходного значения мы встречаем и вариативность аориста/перфекта (*вси гради ваши предаша са мнѣ и калі са по дань*, л. 16 об. — см. выше). Явных примеров парности перфекта с именными сказуемыми, свидетельствующих о его характеризационной семантике, какие преобладали в раннем рассказе о мщении Ольги (см. выше, раздел 2.1), здесь нет.

В большей части примеров из этого рассказа доказательных свидетельств в пользу наличия у перфекта характеризующей именной коннотации не обнаруживается (см. выше примеры: *кнѧзь оуже почалъ; вѣдѣху бо како сами оубили кнѧзя; азъ мьстила оуже обиду мужа своего*). По-видимому, тот процесс стирания исконной именной специфики перфекта, который наблюдался уже в старейшей части ПВЛ, здесь продвинулся еще дальше: перфект становится основной формой в контекстах прямой речи с основным значением актуальности (релевантности) сохраненного результата — семантическое наращение, восходящее корнями к именному источнику грамматикализации перфекта, в большинстве случаев употребления формы стирается.

Аорист и перфект теперь распределяются прежде всего в зависимости от режима интерпретации текста: аорист становится формой нарратива, редкие случаи проникновения его в чужую речь можно оценивать как реликты прежнего употребления (поэтому и встречаются они в поздней части ПВЛ преимущественно в библейских цитатах и устойчивых клише — см. ниже), перфект же стал главной формой речевого режима, основное значение которой — классическая «перфектность», т. е. выражение релевантности сохраненного результата на момент речи говорящего. Безусловно, прежние характеризационные коннотации в некоторых употреблениях перфекта еще могут просматриваться, но это, видимо, уже реликты старого значения формы — для эпохи составления ПВЛ в начале XII в. эти компоненты семантики перфекта уже не в фокусе, уходят на периферию и в большинстве случаев его употребления утрачиваются.

Такое распределение аориста и перфекта, наблюдающееся в рассказе о четвертой мести Ольги и решительно отличающее его от первоначального рассказа о мщении Ольги древлянам, характерно для всей поздней части ПВЛ.

Как уже говорилось, аорист в прямой речи в поздней части ПВЛ встречается очень редко, в большинстве своем в библейских цитатах и молитвах, где аористы в результативном значении актуального прошедшего могут быть представлены целыми рядами. Ср., например, большая вставка цитат в рассказе о приходе половцев под 1068 г.: *...вы бо ѿклонистеса ѿ пути моего глѣхъ и соблазнисте многы сего ради буду свидѣтель скорѣ на противныа... почто не сдержастеса ѿ* (РА — *не воздержастеса въ*) *грѣсѣхъ вашихъ но ѿклонисте законы моя и не схранисте ихъ. обратистеса ко мнѣ и обращаюся к вамъ глѣхъ* ... (1068 г., Лавр., л. 57 = Ипат., л. 63) и далее; ср. в молитве под 1096 г. в рассказе о набеге половцев на Печерский монастырь: *тѣмже и мы послѣдующе пррѣку Дѣду вопьемъ. Гї Бѣ мои положи [а] како коло како ѿгнь прѣ^д лицемъ вѣтру иже попадеетъ дубравы... се бо ѿскверниша и пожгоша стѣны до^м твои и монастырь Мѣре твоеа* (1096 г., Лавр., л. 77 об. = Ипат., л. 85 об.) и т. п.

Вне библейских цитат случаи аориста в прямой речи в поздней части ПВЛ единичны, причем в большинстве своем они тоже представляют собой устойчивые формулы, тем самым приближающиеся к цитатам (а иногда и представляющие собой скрытые цитаты). Ср. в наставлении Феодосия Печерского: *Чадѡ се предаю ти манастирь. блюди со ѡпасеньемъ юго. и каже оустроихъ въ служба^{хъ} то держи* (1074 г., Лавр., л. 63; Ипат. — *какоже оустроихъ*, л. 69); в рассказе об убийстве Ярополка под 1086 г.: *Ярополкъ выторгну изъ себе саблю и возни великы^м глѣмъ ѡхъ тот ма враже оулови* (РА — *погуби*) (1086 г., Лавр., л. 69; Ипат. — *ѡхъ тот ма вороже погуби*, л. 76 об.).

Несколько примеров в Повести об ослеплении Василька Теребовльского (1097 г.): *Се повѣдаю ти поистинѣ. како на ма бѣ^{хъ} наведе за мое възвышенъе* (1097 г., Лавр., л. 89 об. = Ипат., л. 91); *И послаша к Владимиру^м глѣа. Не вѣ ли придохѡ^м на гра^д вашъ* (РА = ХП — *мы не придохомъ*; Ипат. — *вѣ*

не *придоховѣ*, л. 91 об.) а не на ва^ѣ. но на врагы своя <...> ти бо *суть на-молвили* (= Ипат., л. 91 об.) *Дѣда и тѣхъ е послушалъ* (Ипат. — *есть по-слушалъ*, л. 91 об.) *Дѣдъ и створилъ* (= Ипат., л. 91 об.) *се зло* (1097 г., Лавр., л. 90) — обратим внимание, что за первым клише с аористом следуют несколько перфектов в том же значении актуальности сохраненного результата — и некоторые другие примеры.

Связь «перфектного» употребления аориста с библейскими цитатами и устойчивыми книжными формулами, заметим, подтверждает принадлежность его церк.-слав. традиции, восходящей к старославянской. В поздней части ПВЛ, как и в последующей летописной традиции, оно в таком статусе архаичного церковнославянизма и останется.

Перфект в поздней части ПВЛ, как мы уже говорили, становится основной формой чужой речи — более 90 употреблений (вне цитат). При наличии личного местоимения 1–2-го лица или подлежащего при 3-м лице связка перфекта может опускаться — подобные примеры встречались и в ранней части ПВЛ, но здесь их больше — ср. выше о преобладании перфекта без связки в четвертой «месте» Ольги в отличие от первых трех.

Как и в четвертой «месте» Ольги, в большинстве случаев употребления перфекта (как со связкой, так и без нее) в поздней части ПВЛ говорить об особой специализированности перфекта на выражении признаковой семантики нет надежных оснований: судя по всему, перфект теперь используется как нейтральная форма речевого и синтаксического (т. е. косвенной речи) режимов интерпретации текста, нормальная для контекстов ориентации на момент речи говорящего и, соответственно, релевантности для данного момента результатов действия прошлого, — исконные характеризующие компоненты семантики перфекта в большинстве случаев уходят. Ср. некоторые примеры: *И бы^ѣ въсть Грькомъ. яко **избило** море Русь* (1043 г., Лавр., л. 52 = Ипат., л. 57 об.) — контекст типа «косвенной речи» с ориентацией на момент речи воспринимающего персонажа (см. [Шевелева 2009: 158–161]); ср. в рассказе о восстании волхвов в Новгороде в аналогичном контексте «косвенной речи»: *...повѣдаша юму Бѣлозерци яко два кудесника **избила** оуже многы жены по Вользѣ и по Шекснѣ и **пришла кста** сѣмо* (1071 г., Лавр., л. 59; Ипат. — *пришла есть*, л. 65); ср. несколько примеров в прямой речи в том же рассказе о восстании волхвов: *ре^ѣ има Юнь. поистинѣ **прельстилъ** вас **есть** (РА нет *есть*) бѣсъ* (1071 г., Лавр., л. 59 об.); *...и ре^ѣ има Юнь. что ва^ѣ бѣзи молвать. она же рѣста сице нама бѣзи молвать не быти на^ѣ живы ѿ тебе. И ре^ѣ има Юнь. то ти ва^ѣ право **повѣдали**. она же рекоста...* (1071 г., Лавр., л. 60); *<...> бѣси же **метавше** имь повѣдаша. что ради **пришелъ** **есть*** (1071 г., Лавр., л. 60 об. = Ипат., л. 66 об.) и др.

Показательно, что в этом рассказе о волхвах перфект в чужой речи встречается шесть раз, а аорист в сходном контексте — всего один раз, ср.: *и приведоша є къ Юневи и ре^ѣ има что ради **погубиста** толико члѣвък* (1071 г., Лавр., л. 59 = Х.П., Ипат. — *погубисте*, л. 65 об.).

Сходная картина с употреблением перфекта и распределением его с аористом наблюдается в рассказах о Феодосии Печерском и печерских старцах, ср. примеры: *оному же изнамагающую възрѣвъ на игумена ре^ѣ. Не забываи игумене еже [ми] **ѣси обѣщаль**. и разумѣвъ великыи Феодосии како видѣные **видѣл** (РА, ХП — *видѣ*, Ипат. — *вѣди*) и ре^ѣ ѣму. брате Дамьяне. **ѣже ѣсмь обѣщаль** то ти буди (1074 г., Лавр., л. 64 = Ипат., л. 70); *И рѣша ѣму. Исакие **побѣди^ѣ ѣси на^ѣ** (1074 г., Лавр., л. 66 об.; Ипат. — *побѣдиль ны еси*, л. 72 об.)* — о победе старца Исакия над бесами и др.*

В рассказе об обретении мощей Феодосия Печерского: *Игуменъ и черноризци **свѣтъ** створише рѣша. Не добро есть лежати бѣю нашему Феодосьеви кромѣ монастыря [и] цркви своае понеже то (РА — *той*) **ѣсть основаль** црквь и черноризцы **совокупилъ** (1091 г., Лавр., л. 70 = Ипат., л. 77 об.)*.

В других поздних статьях ПВЛ, в том числе в Повести об ослеплении Василька Тербовольского: *...послаша сѧ къ Стославу и къ Всеволоду **ѣлице**. мы оуже зло **створили ѣсмы**. князя своего прогнавши <...> Стослав же и Всеволодъ послаша к Изаславу **ѣлице** Всеславъ ти **бѣжалъ** а не води лаховъ Киеву. противна бо ти нѣту (1069 г., Лавр., л. 58 об. = Ипат., л. 64–64 об.); <...> а Мстислав же приде на Волгу. и повѣдаша ѣму како **Гзлегъ вспа-тилсѧ** (Р. *взратися*, А. *вратися*) к Ростову (1096 г., Лавр., л. 86; Ипат. — *оузвратилсѧ естѣ*, 1097 г., л. 87);*

*И почаша **ѣлати** к Дѣдѣ Игоревичю рекуще сице како Володимерь **сложилсѧ естѣ** с Василко^м на Стополка и на тѧ. Дѣдъ же емь вѣру лживы^м слово^м нача молвити на Василка **ѣла**. кто **ѣ^ѣ оубилъ** брат[а] твоего Ярополка а нынѣ мыслить на ма и на тѧ и **слѣжилсѧ ѣ** с Володимеро^м. да промышляи о своае головѣ (1097 г., Пов. об ослеплении Василька, Лавр., л. 87 = Ипат., л. 88);*

*И ре^ѣ Василко не могу ѡстати брѧте. оуже **ѣсмь повелѣлъ** това-ро[ва]мъ (sic!) поити переди (Там же, Лавр., л. 87 об. = Ипат., л. 89);*

*Володимерь же и Дѣдъ и Гзлегъ послаша мужѣ свои **ѣлице** к Стополку. что се зло **створилъ ѣси** в Русьстѣи земли и **ввергъ ѣси** ножъ в ны. чему **ѣси слѣпилъ** бра^м свои (Там же, Лавр., л. 88 об. = Ипат., л. 90) и др.*

Примеров очень много.

В нескольких наиболее книжных контекстах есть определенные основания предполагать сохранение исконной характеризационной специфики перфекта, ср. в рассказе о старце Исакии в паре (хоть и в дистантной позиции) с именным сказуемым: *И ре^ѣ Антонии се оуже **преставилсѧ естѣ**. И посла в монастырь по Феодосья и по бра^мю. и ѡкопаше (РА — *откопавшие*) кдѣ бѣ загражено ѡстѣе. пришедше взяша и мертвѧ мнѧще. [и] вынесше положиша и пре^ѣ пещерою и оузрѣша како **живъ ѣсть** (1074 г., Лавр., л. 65 = Ипат., л. 71 об.); еще один пример из того же рассказа: *многажды бо бѣси пакости дѣяху ѣму и **ѣху нашъ ѣси** и **поклонилсѧ ѣси** нашему старѣиши^{нѣ} и намъ (1074 г., Лавр., л. 66, Ипат. — *нашъ еси поклонилсѧ еси*, л. 72 об.)*.*

Допустимо, хоть и с меньшей вероятностью, такое прочтение для контекста из рассказа об избрании преемника Феодосия Печерского (впрочем, здесь это связано скорее с лексическим значением глаголов и общей «характеризующей» семантикой контекста): *И начаша бра^тя просити Стевана деместника суща тогда. оучѣка Феодосьева гл҃ше. како сесѣ възрелъ кѣсть подѣ рукою твоєю и оу тебе послужилъ кѣсть* (1074 г., Лавр., л. 63 = Ипат., л. 69).

Для абсолютного же большинства контекстов из этой части ПВЛ подобных свидетельств в пользу специфической признаковой маркированности перфекта нет. Заметим также, что здесь встречаются и случаи колебания перфекта (в том числе без связки) / аориста по спискам (см. выше примеры), что тоже говорит в пользу их синонимии (хотя, конечно, не доказывает ее).

Таким образом, распределение аориста vs перфекта в ранних и поздних частях ПВЛ оказывается различным. По крайней мере, такие различия несомненно есть между архаичным «первоначальным ядром» ПВЛ и поздними частями, относящимися ко времени составления ПВЛ в нач. XII в. В древнейшей части ПВЛ, как мы видели, распределение аориста и перфекта соответствует представленному в ст.-сл. текстах: аорист, как немаркированный претерит, свободно употребляется не только в нарративе, но и в прямой речи, выражая в речевом режиме — благодаря задаваемой контекстом ориентации на момент речи говорящего — так называемое перфектное значение актуальности (релевантности) результата прошедшего действия для момента речи; перфект используется как специально маркированная на выражении представленного в момент речи результата форма, в значительной части случаев сохраняющая специфическую характеризующую (признаковую) семантику, связанную с исконно именной природой -л-формы в составе перфекта и самого перфекта как исконно перифрастического образования с основным причастным компонентом. В поздних частях ПВЛ перфект используется как основная форма прямой и косвенной речи, в абсолютном большинстве случаев её специфическая признаковая маркированность утрачивается; аорист используется как форма нарратива, случаи проникновения аориста в контексты речевого режима редки и связаны преимущественно с библейскими цитатами и книжными формулами — это церковнославянский архаизм.

Временная дистанция между самой ранней и поздней частями ПВЛ составляет около 100 лет. Можно предполагать, что ровно в это время происходили изменения в статусе перфекта в системе живого древнерусского языка — он все больше расширял свою семантику, все больше отрываясь от первоначальной «признаковой» специфики. Берестяные грамоты кон. XI — первой пол. XII в. об этом отрыве уже несомненно свидетельствуют, ср. примеры: *мене игоумене не поустиле а а прашаль сѧ, нѣ посылать сѣ Асафѣмь къ посадьникоу медоу дѣла, а пришьла есѣѡ оли звонили* № 605 (XI/XII в.), ср. также № 109 (XI/XII вв.), ср. длинную цепочку последова-

тельных событий, обозначенных формами перфекта, в грамоте № 724 (60-е гг. XII в.) [Зализняк 2004: 173]. Именно XI в. был, по всей видимости, важным этапом для перестройки системы прошедших времен в вост.-слав. ареале: по крайней мере, «⟨а⟩орист был не позднее XII в. (возможно, и раньше) оттеснен в сферу пассивного знания», в живой устной речи «он уже не употреблялся — его заменял перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени» [Там же: 174]. Однако важно еще обратить внимание на то обстоятельство, что именно в XII в. складывается традиция гибридного регистра книжного языка Древней Руси — языка русского летописания, в основе которой лежит язык ПВЛ в её поздней части, составленной в 10-х гг. XII в. Ранняя часть ПВЛ еще следует собственно церковнославянской традиции, в XI в. еще очень близкой к старославянской. Поздняя часть ПВЛ уже свидетельствует о начавшемся формировании особой традиции гибридного регистра книжного языка, и активная интерференция книжных и некнижных элементов (см. [Живов 2004: 64–69]) здесь уже совершенно очевидна. Обнаруженные нами отличия в изменении статуса перфекта и распределении аориста/перфекта сравнительно с ранней частью ПВЛ есть все основания связывать с влиянием системы живого древнерусского языка.

3. О перфекте и -л-форме в последующей летописной традиции

В летописях XII в., продолжающих ПВЛ, — Киевской летописи (КЛ), Суздальской летописи (СЛ) (в части XII в., как известно, восходящей к общему с КЛ южнорусскому источнику [Лурье 1987: 243; Приселков 1996: 110–111]) и Новгородской первой летописи (НПЛ) — распределение перфекта и аориста продолжает традицию поздней части ПВЛ (наиболее последовательно — КЛ, наименее — НПЛ). В КЛ XII в. это распределение аориста/перфекта по режимам интерпретации текста (нарратив vs чужая речь), наблюдавшееся в качестве тенденции в поздней части ПВЛ, представлено еще более последовательно: аорист здесь используется как форма нарратива, перфект (преимущественно без связки, т. е. уже -л-претерит) — как прошедшее время чужой речи, т. е. речевого и синтаксического режимов (прямой и косвенной речи) [Шевелева 2009: 154–165]. Перед нами сложившаяся традиция языка киевского (южнодревнерусского) летописания домонгольского периода — гибридного регистра церковнославянского языка, в значительной степени усвоившего черты живого языка, причем прежде всего в прямой (и косвенной) речи светских персонажей (о близости прямой речи светских лиц в КЛ к живому языку см. [Зализняк 2004а: 51, 63; 2008: 23–24 и др.]).

В СЛ, несколько более книжной, чем КЛ, и в НПЛ указанная традиция распределения аориста/перфекта тоже просматривается, хотя с меньшей степенью последовательности (см. [Шевелева 2009]).

Как мы уже говорили выше, в недавних работах М. В. Скачедубовой (Ермоловой) предлагается видеть в значительной части случаев употребления *-л*-формы без связки в КЛ, СЛ и НПЛ причастную форму, синонимичную причастию прошедшего времени на *-вши* [Скачедубова 2017; 2018; 2019; Ермолова 2020]. По всей видимости, предполагается возможность сохранения причастного статуса *-л*-формы и в живом древнерусском языке XII–XIII вв. (параллельно с возможным употреблением этой формы в качестве претерита, развившегося из расширившего свое значение перфекта), а также в более позднее время — как следует из широко привлекаемых автором материалов псковских летописей, — еще в XV–XVI вв. Более того, проводимое автором сопоставление такого «причастного» употребления *-л*-формы с «новым перфектом» северо-западных говоров приводит М. В. Скачедубову (Ермолову) к заключению о синонимии тех и других структур и к предположению о возможности формирования «нового перфекта» с причастиями на *-вши* именно на базе этих «причастных» *-л*-конструкций (при этом наличие таких употреблений в памятниках разной диалектной локализации заставляет автора предполагать, что изначально новый причастный перфект не был исключительно северо-западным образованием) [Скачедубова 2019: 12, 138–139].

Несмотря на остроумие предложенного построения, оно оставляет очень много вопросов. Даже если оставить в стороне вопрос о связи *-л*-причастия с происхождением «нового перфекта» и первоначально общерусском (или общевосточнославянском?) характере северо-западного причастного перфекта, что явно противоречит лингвогеографическим данным, и неясность вопроса о хронологизации и механизмах предполагаемого процесса превращения некоего пра-нового перфекта причастных конструкций на *-л* в существующий ныне новый перфект на *-вши* (почему произошла такая замена, почему нет следов этой старой причастной *-л*-формы в современных говорах, тем более если это был процесс достаточно поздний, и как она должна была соотноситься в рамках одной диалектной системы с *-л*-формой-простым претеритом на протяжении длительного времени?) — даже если оставить в стороне все эти вопросы, противоречий в предложенном теоретическом построении остается очень много, в том числе и относительно раннедревнерусского этапа истории глагольной системы.

Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что выводы о специфике употребления и грамматическом статусе *-л*-формы в древнерусском языке делаются на материале древнерусских летописей в их нарративной части, что прямо сформулировано в заглавии работы [Скачедубова 2019], ср. также материал в [Скачедубова 2017; 2018; Ермолова 2020]. Однако древнерусские летописи представляют гибридный регистр книжного языка, а не живой древнерусский язык (о специфике гибридного регистра и о летописании как основной составляющей письменной гибридной традиции см. подробно [Живов 2004: 64–69; 2017: 250–270]). Характерная для летописи интерференция книжных и некнижных элементов пронизывает

все ранние летописи, начиная с поздней части ПВЛ, и составляет их специфику как особой системы гибридного языка, при этом наибольшее число черт живого языка оказывается в прямой речи, а не в нарративе — ср. о близости прямой речи КЛ по важным синтаксическим параметрам (расположению энклитик) к бытовым берестяным грамотам и отличию её в данном отношении от авторской речи летописца [Зализняк 2004а: 51; 2008: 23–24]. Различие этих двух компонентов КЛ настолько существенно, что А. А. Зализняк рассматривает их как два разных источника: «⟨б⟩ез указанного разграничения данные Киевской летописи оказались бы смазанными и малопоказательными» [Зализняк 2008: 21; ср. Зализняк 2004а: 51, 63 и др.].

Летописный нарратив отражает черты живого языка в гораздо меньшей степени: очень резко это различие в КЛ, но присутствует оно и в других летописях — в летописной традиции в целом. Как мы уже говорили, в нарративе ранних летописей употребляются ушедшие в пассивное знание простые претериты и книжный плюсквамперфект, в прямой речи — перфект и некнижный плюсквамперфект [Шевелёва 2009], см. также выше. Летопись в целом писалась на книжном языке, «⟨о⟩днако равномерно выдерживать стандарты книжного языка летописец не мог, поскольку ориентация на образцы в разной степени могла быть использована в разных сегментах текста. В силу этого разные сегменты характеризуются разной степенью интерференции, хотя сам по себе феномен свойствен любому фрагменту» [Живов 2004: 65–66]. Естественно, что наибольшая степень такой интерференции черт живого языка обнаруживается в летописи в прямой речи светских лиц (хотя и она отнюдь не может быть отождествлена с живым древнерусским языком). Несомненно, те или иные особенности грамматической системы древнерусского языка находят отражение и в нарративной части ранних летописей, однако вряд ли по таким данным можно надёжно реконструировать состояние некоторого фрагмента древнерусской грамматической (и, в частности, глагольной) системы и тенденции его эволюции — во всяком случае, в исследованиях такого рода необходимо учитывать гибридную специфику текста, высокую степень вероятности (близкую к обязательности) присутствия в нем черт книжной грамматики, учитывать фактор возможной ориентации на некоторые образцы и следования традиции.

В летописи, конечно, могут проникать черты живого языка даже в нарративные фрагменты, однако надёжно доказать их принадлежность живой древнерусской системе может только наличие соответствующего употребления в некнижных древнерусских текстах и в современных говорах.

Для предполагаемого М. В. Скачедубовой (Ермоловой) регулярного употребления *-л*-формы в роли причастия таких подтверждений не обнаруживается — гипотеза остается теоретической гипотезой, которую доказанной признать нельзя.

Рассматривая разные типы контекстов, для которых можно предполагать причастное употребление *-л*-формы, основным доказательством этого автор считает характерность для тех же контекстов причастий на *-ъши/-ъш*-

и нетипичность употребления аориста, т. е. личной формы глагола. Действительно, выявляется ограниченный набор определенных типов контекстов, характерных для активных причастий в функции выражения зависимой предикации (здесь автор опирается прежде всего на исследования [Потебня 1888: 185–227; Пичхадзе 2011] — замечу, правда, что соответствующее употребление характерно не только для причастий прошедшего времени на *-ъиш/-ъиш-*, на которых сосредоточивает внимание автор, но и для причастий настоящего времени на *-а (-а) / -учи-* и под.), — и те же контексты в летописях оказываются типичны для *-л-*формы и нетипичны для аориста. Именно на том, что один и тот же тип употребления оказывается специфическим (а не просто возможным, как для аориста) и для действительных причастий, и для *-л-*форм, строится гипотеза об их равнофункциональности, т. е. грамматической синонимии: признается мотивированность употребления *-л-*формы в таких контекстах её причастной природой, т. е. способностью, как и причастие на *-(в)ъиш-*, служить средством выражения зависимого статуса данной предикации [Скачедубова 2019; Ермолова 2020: 86].

Этот аргумент специфичности определенных типов употреблений для активных причастий и для формы на *-л-* в самом деле очень серьезен. Исследователь языка древнерусских летописей хорошо знает, что нередко появление *-л-*формы в нарративе, особенно в поздних летописях (а в ранних оно практически и не встречается), бывает «предсказуемо» связью с определенными устойчивыми типами контекста, например с контекстом некоторого построенного по принципу не книжного ситуационного синтаксиса дополнительного замечания, вводимого союзом *а*, очень употребительного в псковских летописях, да и в поздних летописях XV–XVI вв. в целом (типа *а был в Литвѣ 10 лѣт^м, а чернцо^н былъ на сѣне^х год и двѣ недѣли, а княжилъ 9 лѣт^м* и под. [Скачедубова 2019: 95–96; Ермолова 2020: 91], ср. об этом [Шевелева 2009а: 14])⁶. Действительно, *-л-*форма в таком употреблении как-то противопоставляет выраженное ею действие добавочного замечания действиям основной нарративной цепочки аористов.

Главная проблема для признания этого аргумента «специфичности» определенных контекстов для *-л-*формы, как и для прочих активных причастий, в противоположность личным формам глагола состоит в том, что в роли таких личных глагольных форм в летописях во всех этих характерных типах контекстов выступают утраченные в живом употреблении про-

⁶ М. В. Скачедубова (Ермолова) называет такое употребление контекстами обозначения продолжительности действия (чаще «с конкретным указанием на то, сколько оно длилось»), возможно фонового, «противопоставленного по характеру протекания действиям, выраженным формами аориста», ср. контекст: *А в тот же день приеха из Литвы во Псков зять его князь Володимиръ Данильевич, а был в Литвѣ 10 лѣт* (Пск. 2 лет., л. 195 об.) и под. [Скачедубова 2019: 96; Ермолова 2020: 91–92].

стые претериты, преимущественно аорист — основная форма летописного нарратива, в живом языке ушедшая в пассивное знание уже в XII в. (см. выше), а в эпоху составления псковских летописей XV–XVI вв. явно оставшаяся только в книжной традиции стандартного и гибридного регистров письменного языка с присущими им сложившимися стереотипами описания. Если «пересчитать» отношение «специфически причастного» употребления *-л*-формы и употребления финитной формы прошедшего времени с летописного на грамматические формы реального живого языка, мы получим *-л*-форму в «специфически причастных контекстах» и *-л*-форму финитно-глагольную — как их различить, как доказать, что это не одна и та же форма в разных семантико-синтаксических типах употребления? Логический круг замкнулся — доказать, что это две разные морфологические единицы, нельзя, тем более что и сама М. В. Скачедубова (Ермолова) признает, что *-л*-форма в исследованных летописях может употребляться и как единая форма прошедшего времени и что превращение её в единое прошедшее уже в XII–XIII вв. несомненно [Скачедубова 2019; Ермолова 2020].

В таком случае обсуждать можно только вопрос о реликтовом сохранении *-л*-формой своей исконной причастности, актуализирующейся в определенных контекстных условиях (в выводах работы [Ермолова 2020: 94–96] идея формулируется уже именно таким образом — более корректно, чем в предыдущих работах автора).

Важно при этом выяснить, в какой мере «специфически причастные» контексты действительно являются таковыми в живом древнерусском языке, а не только в летописной традиции.

Рассмотренный выше контекст дополнительного замечания-уточнения с союзом *а* типа *а был в Литѣ 10 лѣ^м* на самом деле представляет характерную конструкцию не книжного синтаксиса, и с этой точки зрения очень показателен: перед нами яркий пример ситуационной организации информации по принципу «вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [Зализняк 2004: 190] (о ситуационном принципе подачи информации, характерном для древнерусского не книжного синтаксиса, как и для современной разговорной речи, см. [Там же; Живов 2004: 52–54 и др.]). Организованные по этому принципу не книжные синтаксические построения относят уточняющую (т. е. менее важную, дополнительную) информацию в конец сообщения — в этом смысле статус такой предикации действительно оказывается более низким, чем главной части сообщения, и может быть в определенной степени сопоставим со статусом причастных предикаций. Именно поэтому, видимо, в псковских и новгородских летописях, связанных с диалектной зоной, где предикативное употребление действительных причастий особенно активно, в тех же конструкциях широко употребительны и собственно причастные формы на *-въ/-вши-* [Скачедубова 2019: 95–100] — образования, специализированные на выражении подчиненного статуса данной предикативной единицы. Однако это не является доказательством причастности всякой такой отнесенной в конец сообщения пре-

дикации подобных не книжных построений. Как уже говорилось выше, конструкции типа *а был в Литѣ 10 лѣм* известны и в московских летописях XV–XVI вв., допустимы они и в не книжном языке нового времени. Некоторым аргументом в пользу функционального сближения -л-форм в таких не книжных контекстах с причастиями на -вши- эти факты параллелизма тех и других форм могут быть, но не доказательством их грамматической синонимии.

Вряд ли достаточно доказательны для утверждения о специфически причастном употреблении -л-формы контексты нарративной цепочки с аористами (и имперфектами) и одиночной формой на -л- в их ряду — по мысли М. В. Скачедубовой (Ермоловой), «одиночность» -л-формы в таких рядах позволяет предполагать её отличное от обычного нарративного прошедшего значение и видеть здесь характерные для причастий конструкции типа «вставь (и) рече» (с союзом или без), чрезвычайно употребительные в древнерусских памятниках [Скачедубова 2017: 118–119; 2019: 83–90; Ермолова 2020: 88–90]. Правда, примеров таких приводится немного и там, где имеются разночтения по спискам с причастием, предположение об использовании -л-формы в роли причастия наиболее вероятно (типа *и приде Володимеръ ко королеви. король же поималъ* (Х.П. — *поє*) *Володимера и со всими полкы поиде к Галичю* КЛ, 1188 г., л. 229 об. [Скачедубова 2017: 118; 2019: 84–85; Ермолова 2020: 89–90]). В прочих случаях, где таких подтверждающих разночтений нет, предположение о причастности одиночной -л-формы в ряду аористов трудно доказуемо: в таких рядах в древнерусских текстах вполне возможны как причастия, так и личные глагольные формы. Вряд ли для контекстов типа *кнѧ³ же Борисъ поѣхѧ в татары. а Гѧлександръ кнѧ³ послалъ дары* (СЛ, 1256 г., л. 166 об.) [Ермолова 2020: 90] можно достаточно надежно доказать специфическую причастность употребления -л-формы и нехарактерность его для личной формы глагола⁷.

⁷ В комментарии к этому контексту автор апеллирует к тому факту, что форма *послалъ* здесь обозначает действие зависимого статуса, не входящее в основную нарративную цепочку: ‘князь Борис поехал в Татары, взяв дары от Александра’ [Ермолова 2020: 90], т. е. имеется в виду ‘князь Борис поехал..., после того как Александр послал (прислал ему) дары’. Такое прочтение вполне вероятно, и действительно -л-форма обозначает в этом случае отклоняющееся от основной последовательности событий второстепенное действие, результат которого определяет совершение действия главного. Смущает, однако, то, что употребление -л-формы здесь может, как и в рассмотренных выше контекстах типа *а был в Литѣ 10 лѣм*, иметь характер дополнительного замечания, помещенного по принципу ситуационного синтаксиса после главной части сообщения (см. выше), — как мы уже говорили, именно для таких контекстов в летописном нарративе типично появление не книжной формы на -л-.

Для второго приводимого в [Там же] примера употребления -л-формы в функции причастия конструкции типа «вѣставъ и рече» надежность доказательств еще меньше.

Замечу, что и при наличии разночтений типа форма на -л- / причастие на -(в)ъ(и)- примеры, где -л-форма читается в поздних Х.П. списках, а причастие на -(в)ъ в Ипат., вряд ли можно считать вполне доказательными: ведь в таком случае надо признать специфически причастное употребление -л-формы, позволяющее ей заменять первоначально читавшееся причастие на -въ, для очень позднего времени — или надо доказывать, что поздние Х.П. списки в данном случае сохраняют исконное чтение КЛ при вторичности чтения Ипат.

Наиболее показательными контекстами, характерными для причастий, оказываются контексты с относительными местоименными словами: в таких конструкциях, рассматриваемых в свое время А. А. Потебней как придаточные предложения с причастным сказуемым, использование причастий встречается очень широко в разных типах текстов — как книжных, так и некнижных (см. [Потебня 1888: 205–231; Пичхадзе 2011]). Употребление активных причастий (настоящего и прошедшего времени) в таких конструкциях действительно очень типично для древних славянских языков (как показал А. А. Потебня, также для литовского и латышского), а в устойчивых реликтах типа *бить чем попада, ити куда зря* и под. сохранилось и до современности [Потебня 1888: 217–227]. Ср. в примерах из древнерусских текстов: *Отъ тѣхъ Словенъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими. гдѣ сѣдише на которомъ мѣстѣ* (ПВЛ, Лавр., л. 3); *И оуладишася кдѣ что свое познавшии* лицомъ имати (Лавр., 141, 309); *Гдѣ оулюбивъ жену или чью дочь, поимашеть насильемъ* (Ипат., 136); *а друзиу розбѣгошася камо кто вида* (Ипат., 202); *По смерти же великаго князя Болеслава не бысть кто княжа въ Ладьскои земли* (Ипат., 208); *Возвратишася съ побѣдою великою Половци, а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принесе* (СЛ, Лавр., 135); *Оже ли не будетъ кто юго мьста...* (Рус. правда по Син. сп., 28); *Познають ли надолзѣ оу кого коупивъ то свое коуны възметь* (Там же, 37) и др. [Там же: 206–215]; ср. в берестяной грамоте № 582 XIII в.: *цето еси прислале дова целовека те побегли а коне не ведаю г[о]ѣ поимаючи* [Зализняк 2004: 514]. Такое употребление причастий на -въ (-вшии) и -а (-учи) действительно можно признать для древнерусского языка живым.

М. В. Скачедубова (Ермолова) обращает внимание на случаи употребления в тех же контекстных условиях с относительными словами формы на -л-, ср. примеры (особенно их много в новгородских и псковских летописях): *а кто са осталъ в городѣ а тѣ вси взати быша* (КЛ, 1185 г., л. 226); *а иное что хотя кто что вынеслъ. злии челоѡѣци разграбиша* (НПЛмл, 1340 г., л. 208); *изымаша новгородцевъ. кто ходилъ на Юргу (sic!) и ограбиша ихъ* (НПЛст, 1323 г., л. 163); *а ржи наша четверетка. чего кто запросил. а инии съ оусердиемъ даваху* (Пск. II лет., 1422 г., л. 189); *а котории остались во Пскове и по волости мужи и жены и малии дѣти, тѣхъ множество изомроша* (Пск. II лет., 1422 г., л. 189) и др. [Скачедубова 2017: 116–117; 2019: 74–79; Ермолова 2020: 87].

Сходство подобных контекстов с приведенными выше контекстами с причастиями на *-въ*, *-въше*, *-ъше* (а также с презентными на *-а*, *-учи*) в самом деле замечательное, и особенно значимо то, что *-л*-форма здесь употреблена именно в этой «придаточной» конструкции с относительным словом на фоне других временных форм в главном предложении. Обозначенное таким образом действие оказывается выделенным: вполне возможно, что так маркируется его подчиненный статус (выраженный в этих конструкциях и синтаксически — союзным словом, оформляющим данную предикативную единицу как придаточное предложение). Вполне вероятно, что это след былой «причастности» *-л*-формы, как и предполагает автор.

Однако стоит все-таки обратить внимание на то, что это выделение в летописном нарративе оказывается на фоне уже отсутствующих в живом языке аориста и имперфекта, употребленных в главном предложении. В соответствующих конструкциях с причастием на *-вши* из не книжных текстов в главной части употребляется та же *-л*-форма в функции финитного глагола (ср. выше в БГ № 582: *те побегли а коне не ведаю гдѣ поймавши*). Как доказать, что аналогичное летописному выделение зависимой предикации в подобных конструкциях с помощью *-л*-формы возможно было и в живом языке еще в XIV–XVI вв., а перед нами не сложившиеся в летописной традиции стереотипы описания, восходящие к значительно более раннему времени? Кроме того, поздний летописный нарратив мог в таких контекстах заменить по принципу «пересчета» разговорное (а к этому времени уже диалектное) предикативное употребление причастия на *-вши* на более употребительную в гибридном языке летописей форму прошедшего времени на *-л*-, поместив её в относительную конструкцию по принципу контраста с основной нарративной цепочкой (о регулярной допустимости употребления перфекта, в том числе бессвязочного, в придаточных изъяснительных и определительных в языке ранних летописей см. [Шевелева 2009: 165–172]).

Надо признать, что в раннедревнерусскую эпоху придаточные конструкции с относительными словами и формой на *-л* на фоне нарративных прошедших времен главного предложения, возможно, действительно могли нести след исконной причастности *-л*-формы и, соответственно, признаковой семантики перфекта, в более позднее время это уже следование традиции летописного нарратива — во всяком случае, надежно доказать обратное невозможно.

Напомним к тому же, что в этих «специфически причастных» конструкциях с относительными словами в большей части русских говоров со временем причастия на *-вши*, *-а* (*-учи*) были вытеснены личными формами глагола прошедшего или настоящего/будущего времени, утвердившимися и в таких придаточных клаузах. Доказать, что в соответствующих контекстах из поздних летописей *-л*-форма не отражает этого процесса вытеснения причастий на *-в*, *-вши*, тоже оказывается невозможно.

Взвешивая все аргументы «за» и «против» признания причастного характера выявленных специфических употреблений *-л*-формы в языке рус-

ского летописания, надо признать, что для надежного доказательства этой гипотезы нет достаточных оснований; однако для раннедревнерусской эпохи предположение о возможности реликтового сохранения формой на -л- своей исконной причастной семантики, реализующейся в определенных типах контекстов, вполне вероятно.

На подобные реликты обращал внимание еще А. А. Потебня, отмечавший при этом, что «(у)же в древнем языке случаи а п позитивности причастия на -л- редки и сомнительны» (примеры типа «*милостыни, съв(ъ)-купилася* (= *совокупившись, соединенная*) *съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляет человека*» Новг. I, 60 и под.) [Потебня 1888: 239], ср. цитируемую А. А. Потебней мысль Ф. И. Буслаева о сохранении реликтовой причастной семантики в некоторых употреблениях прошедшего на -л- вместо членных причастий на -ший [Там же: 240–241; Буслаев 2006/1959: 128 (§ 198)].

Наиболее доказательными являются те примеры, где предполагаемая остаточная «причастность» -л-формы подтверждается её синтаксической однородностью (или как минимум параллелизмом синтаксических конструкций) с причастиями или прилагательными (см. примеры выше, разделы 1, 2). Таких примеров в летописях мало — явно меньше, чем в стандартных церковнославянских текстах и старейшей части ПВЛ, следующих старославянской традиции, где параллелизм перфекта и именных конструкций с прилагательным/причастием периодически встречается (см. выше разделы 1, 2). Надежных примеров такого рода в летописях XII–XIII вв. и более поздних почти нет. Поэтому предполагать регулярное и даже широкое употребление -л-формы в роли причастия, связанное с сохранением её исконно именных свойств в живом языке, мало вероятно даже для раннедревнерусской эпохи.

4. Некоторые итоги

Подведем основные итоги.

Древний славянский перфект, судя по данным старейших памятников, был поздно грамматикализовавшейся формой и в эпоху первых (старославянских) переводов еще сохранявшей специфическую признаковую маркированность по характеризующей функции, обусловленную исконно именной природой главного компонента перфекта — формы (причастия) на -л-. В оппозиции с аористом, свободно употреблявшемся в ст.-сл. текстах в контекстах так называемого «перфектного значения» в прямой речи (релевантности результата на момент речи), перфект в старейших текстах был маркирован как образование, специализированное на выражении перфектного значения, осложненного, кроме того, названным признаковым семантическим компонентом — во многих случаях эта специфика еще вполне ощутима, хотя, вероятно, уже начинает выветриваться.

Древнейшие вост.-слав. памятники, связанные с книжной традицией, — не только собственно церковнославянские, но и начинающая традицию русского летописания древнейшая часть ПВЛ, — в распределении аориста и перфекта в основном соответствуют старославянским источникам: аорист употребляется как немаркированный претерит, свободно допустимый в том числе и в прямой речи, перфект же в значительной части случаев сохраняет дополнительную характеризующую специфику, связанную с источником грамматикализации формы. Впрочем, тенденция к выветриванию этого дополнительного (а точнее исконного) семантического компонента уже вполне ощутима: для ряда контекстов даже древнейшей части ПВЛ надежных свидетельств именной семантической специфики перфекта нет; скорее всего, эта исконная специфика перфекта проявляется только в благоприятных контекстных условиях, в других употреблениях стирается.

Как свидетельствуют данные бытовых текстов того же времени, в живом языке XI в. перфект переживал следующий этап своей семантической эволюции: находился на пути превращения из перфекта (с основным значением текущей релевантности результата) в претерит, утративший связь с актуальностью результата на момент речи, — см. «нарративное» употребление перфекта в берестяных грамотах №№ 605, 109.

В поздней части ПВЛ, создание которой относится к началу XII в. (т. е. отстоящей от времени создания «древнейшего ядра» ПВЛ примерно на 100 лет), аорист, ушедший теперь из живого языка в сферу пассивного знания, употребляется как форма нарратива и, за исключением библейских цитат и устойчивых книжных клише, практически отсутствует в прямой речи. Перфект используется как форма прямой (и косвенной) речи, выражая собственно перфектное значение текущей релевантности результата и утрачивая в абсолютном большинстве употреблений специфически признаковую маркированность. Видимо, эта исконная именная специфика перфекта, как и употребленного без связки его основного компонента — формы на *-л-*, может еще проявляться в специфических контекстных условиях и в XII в., и даже позднее, но редко и вряд ли регулярно — как остаточный реликтовый архаизм, след исконного морфологического статуса формы. В нарративные контексты в поздней части ПВЛ перфект пока практически не выходит, хотя к XII в., судя по данным некнижных текстов, такое употребление в живом языке было уже вполне возможно.

Летописи XII и XIII вв. в распределении аориста и перфекта в основном следуют традиции поздней части ПВЛ, используя аорист как форму нарратива, а перфект как форму прямой речи — складывается традиция гибридного регистра книжного языка. При этом всё чаще (в СЛ и НПЛ) появляются примеры перфекта без связки в нарративе — проникновение превратившейся в простой претерит *-л-* формы живого языка в летописный текст (см. примеры в [Шевелева 2002; 2009; Скачедубова 2019 и др.]). То же обнаруживается в берестяных грамотах XII в. — см., например, длинную

нарративную цепочку с *-л*-формами в грамоте № 724 [Зализняк 2004: 350–354] и др.

Возможно, в единичных случаях встречалось сохранение реликтового причастного употребления формы на *-л*- в определенных типах конструкций, хотя с полной надежностью такие примеры не выявляются — можно говорить лишь о представленных в летописной традиции нескольких устойчивых типах контекстов, для которых допустимо предположение о причастной функции *-л*-формы, но соответствие их живому употреблению надежно обосновать не удастся.

Такова, видимо, была ситуация с эволюцией перфекта в вост.-слав. диалектной зоне в раннедревнерусскую эпоху. Обратим внимание на то, сколь кратким оказался «срок жизни» славянского перфекта в восточнославянских диалектах: старейшие славянские памятники еще указывают на его теснейшую связь с источником грамматикализации, возможно пока не завершившейся полностью, и самый ранний оригинальный пространственный вост.-слав. текст — «древнейшее ядро» ПВЛ, восходящее к началу XI в., — этой картине в основном соответствует, что вряд ли может быть искусственным. При этом в разговорном древнерусском языке в XI в. — по крайней мере, на северо-западе — идет активный процесс последующего превращения перфекта в претерит (возможно, с сохранением спорадических реликтовых именных употреблений *-л*-формы). К XII в. такое превращение в живом языке уже несомненно. Оказывается, что собственно перфектом славянский перфект в древнерусском был крайне недолго — яркая демонстрация диахронической нестабильности перфекта [Плунгян 2016: 22–23], в высокой степени проявившейся в вост.-слав. диалектной зоне. Видимо, в этой недолговечности и разрушении в претерит фактически вскоре после грамматикализации кроется решение многих проблем, связанных с историей восточнославянского перфекта и перестройкой всей системы прошедших времен в восточнославянском ареале.

Л и т е р а т у р а , и с т о ч н и к и

Буслаев 2006/1959 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. 7-е изд. М.: КомКнига, 2006.

Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.

Власова 2014 — Е. А. В л а с о в а. *Jako recitativum* в древнерусских летописях XI–XIII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 2. С. 102–112.

Власова 2014а — Е. А. В л а с о в а. Способы передачи чужой речи в русских летописях XII–XVI вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Гаспаров 2003 — Б. Г а с п а р о в. Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянском // Русский язык в научном освещении. 2003. № 5 (1). С. 215–242.

Гиппиус 2001 — А. А. Г и п п и у с. Рекоша дружина Игорев... К лингвистической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 147–181.

Гиппиус 2012 — А. А. Г и п п и у с. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 37–62.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Ермолова 2020 — М. В. Е р м о л о в а (Скачедубова). О соотношении -л-форм и причастий на -*ъи*/-*въи*- в древнерусском языке // *Вопросы языкознания*. 2020. № 3. С. 78–100.

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2004а — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Издательство Московского университета, 1953.

Кузнецов 1959 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.

Кузнецов 1961 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. М., 1997.

Лурье 1987 — Я. С. Л у р ь е. Летопись Лаврентьевская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1. Л.: Наука, 1987. С. 241–245.

НПЛ — Новгородская первая летопись // *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат.).

Пичхадзе 2011 — А. А. П и ч х а д з е. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // *Библиистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева*. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 462–480.

Плунгян 2016 — В. А. П л у н г я н. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Т. А. М а й с а к, В. А. П л у н г я н, Кс. П. С е м е н о в а (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта (= *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Т. XII. № 2). СПб., 2016. С. 7–36.

Плунгян, Урманчиева 2017 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // *Словѣне = Slověne*. Международный славистический журнал. 2017. Vol. 6, № 2. С. 13–56.

Плунгян, Урманчиева 2018 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К типологии нерезультативного перфекта (на материале старославянского языка) // *Slavistična revija*. 2018. Letnik 66, št. 4. С. 421–440.

Плунгян, Урманчиева 2019 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция // *Acta linguistica Petropolitana*. 2019. № 15 (3). С. 223–249.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Харьков, 1888.

Приселков 1996 — М. Д. Приселков. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

Пск. II лет. и Пск. III лет. — Псковская II летопись и Псковская III летопись // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Скачедубова 2017 — М. В. Скачедубова. К интерпретации случаев употребления -л-формы без связки (на материале Ипатьевской летописи) // *Slavistična revija*. 2017. Letnik 65, št. 1. С. 115–125.

Скачедубова 2018 — М. В. Скачедубова. Об интерпретации -л-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях // *Вопросы языкознания*. 2018. № 5. С. 64–76.

Скачедубова 2019 — М. В. Скачедубова. Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).

Топоров 1961 — В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. М., 1961. С. 35–70.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.

Шахматов 1908 — А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55–72.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и в современных говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // *Русский язык в научном освещении*. 2009. № 2 (18). С. 144–174.

Шевелева 2009а — М. Н. Шевелева. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // *Русский язык в научном освещении*. 2009. № 1 (17). С. 5–43.

Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013) // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 2 (30). С. 180–209.

Статья получена 28.04.2020

Maria N. Sheveleva

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
mnsheveleva@mail.ru

ONCE MORE ON THE PERFECT AND AORIST IN EARLY EAST SLAVIC TEXTS

The paper deals with the problem of the semantic distribution of perfect and aorist tenses in early Old Russian texts, which has recently attracted a lot of renewed interest. It is shown that the aorist vs. perfect distribution in the oldest vs. the later parts of the *Povest' vremennykh let* is different. In the ancient part of the chronicle going back to the 11th century, this distribution is, for the most part, the same as in Old Church Slavonic: the aorist is a non-marked preterit and can be used not only in narrative contexts but also in direct speech with perfect semantics ("current relevance" of the result), while the perfect occurs not so often and in many cases has a specific connotation of characterization connected with the source of its grammaticalization. In the later part of *Povest' vremennykh let* created in the beginning of the 12th century, as well as in the following chronicle tradition of the 12th-13th centuries, the aorist is used as a narrative preterit and does not occur in direct speech, while the perfect becomes the form of alien (direct and indirect) speech, has resultative semantics and loses its specific characterizational connotation. This change was conditioned by the evolution of the Old Russian verbal system in the 11th-12th centuries and the formation of the hybrid register of literary language in the 12th century.

Finally, the hypothesis about the participle function of *-l*-forms in East Slavic texts put forward by M. Skachedubova (Ermolova) is discussed.

Keywords: Old Russian, chronicles, *Povest' vremennykh let*, aorist, perfect semantics, *-l*-form

References

- Ermolova (Skachedubova), M. V. (2020). O sootnoshenii *-l*-form i prichastii na *-"sh/-v"*sh- v drevnerusskom yazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 78–100.
- Gasparov, B. (2003). Nabliudeniia nad upotrebleniem perfekta v drevnetserkovnoslavianskom. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 5(1), 215–242.
- Gippius, A. A. (2001). Rekoshia drouzhina Igorevi... K lingvisticheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi. *Russian Linguistics*, 25, 147–181.
- Gippius, A. A. (2012). Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob"ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii. In N. A. Makarov (Ed.), *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaiia panorama* (pp. 37–62). Moscow; Vologda: Drevnosti Severa.
- Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaiia grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.
- Kuznetsov, P. S. (1961). *Ocherki po morfologii praslavianskogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Lurye, Ya. S. (1987). Letopis' Lavrent'evskaia. In D. S. Likhachev (Ed.), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 1* (pp. 241–245). Leningrad: Nauka.
- Pichkhadze, A. A. (2011). Slavianskoe prichastie-skazuemoe v zavisimykh predikatsiakh kak pokazatel' modal'nosti i evidentsial'nosti. In E. L. Alekseeva (Ed.), *Bibleistika. Slavistika. Rusistika. K 70-letiiu zaveduiushchego kafedroi bibleistiki professora Anatoliiia Alekseevicha Alekseeva* (pp. 462–480). St Petersburg: SPbGU.

- Plungyan, V. A. (2016). K tipologii perfekta v yazykakh mira: predislovie. In T. A. Maisak, V. A. Plungian, & K. P. Semenova (Eds.), *Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 7: Tipologii perfekta* (pp. 7–36). St Petersburg: ILI RAN.
- Plungyan, V. A., & Urmachieva, A. Yu. (2017). Perfekt v staroslavianskom: byl li on rezul'tativnym? *Slověne*, 6(2), 13–56.
- Plungyan, V. A., & Urmachieva, A. Yu. (2018). K tipologii nerezul'tativnogo perfekta (na materiale staroslavianskogo yazyka). *Slavistična revija*, 66(4), 421–440.
- Plungyan, V. A., & Urmachieva, A. Yu. (2019). Perfekt so sviazkoi v «Povesti vremennykh let» kak fokusnaia konstruktsiia. *Acta Linguistica Petropolitana*, 15(3), 223–249.
- Priselkov, M. D. (1996). *Istoriia russkogo letopisaniia XI–XV vv.* St Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Sheveleva, M. N. (2002). Sud'ba form prezensa glagola *byti* po dannym drevnerusskikh pamiatnikov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 5, 55–72.
- Sheveleva, M. N. (2007). «Russkii pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i v sovremennykh govorakh. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 214–252.
- Sheveleva, M. N. (2009a). Pluskvamperfekt v pamiatnikakh XV–XVI vv. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(17), 5–43.
- Sheveleva, M. N. (2009b). «Soglasovanie vremen» v yazyke drevnerusskikh letopisei (k voprosu o formirovanii otnositel'nogo upotrebleniia vremen i kosvennoi rechi v russkom yazyke). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 144–174.
- Sheveleva, M. N. (2015). Nekotorye soobrazheniia po povodu knigi D. V. Sichinavy «Tipologii pluskvamperfekta. Slavianskii pluskvamperfekt». *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 180–209.
- Skachedubova, M. V. (2017). K interpretatsii sluchaev upotrebleniia *-l*-formy bez sviazki (na materiale Ipat'evskoi letopisi). *Slavistična revija*, 65(1), 115–125.
- Skachedubova, M. V. (2018). Ob intepretatsii *-l*-formy bez sviazki v pluskvamperfektnykh kontekstakh v Ipat'evskoi i 1-i Novgorodskoi letopisiakh. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 64–76.
- Skachedubova, M. V. (2019). *Funktsionirovanie -l-formy v drevnerusskom narrative (na materiale rannikh letopisei)* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Toporov, V. N. (1961). K voprosu ob evoliutsii slavianskogo i baltiiskogo glagola. *Voprosy slavianskogo jazykoznanija*, 5, 35–70.
- Uspenskii, B. A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow: Aspekt Press.
- Vlasova, E. A. (2014a). *Sposoby peredachi chuzhoi rechi v russkikh letopisiakh XII–XVI vv.* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Vlasova, E. A. (2014b). Jako recitativum v drevnerusskikh letopisiakh XI–XIII vv. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2, 102–112.
- Zaliznyak, A. A. (2004a). «Slovo o polku Igoreve»: *vzgliad lingvista*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2004b). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zhivov, V. M. (2004). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia yazyka russkoi pis'mennosti* (Vols. 1–2). Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.

Received on April 28, 2020